

Дашиева Л. Д.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ:
ТИПОЛОГИЯ, ИНТОНАЦИИ, АРХИТЕКТОНИКА¹

В статье рассматриваются обрядовые песни в контексте современной обрядовой культуры и традиционной музыки западных бурят. Сходство жанров, семантики вербальных текстов, общие звуковысотно-ладовые и архитектурные особенности, наличие интонационных и ритмических формул обрядовых песен характеризуют музыкально-стилевую парадигму в локальных традициях западных бурят *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров*. Музыкальный анализ интонаций, архитектурности обрядовых песен, их типология подтверждают идею автора статьи о раннефольклорном пласте традиционной музыкальной культуры западных бурят.

Ключевые слова: обрядовые песни, типология, интонационные формулы, архитектоника, западные буряты

Dashieva L. D.

RITUAL SONGS OF THE WESTERN BURYATS:
TYPOLOGY, INTONATIONS, ARCHITECTONICS

The article deals with ritual songs in the context of modern ritual culture and traditional music of the Western Buryats. The similarity of genres, the semantics of verbal texts, the general sound-tone-fretting and architectonic features, the presence of intonational and rhythmic formulas of ritual songs characterize the musical-style paradigm in the local traditions of the Western Buryats of *Echirits*, *Bulagats* and *Hongodors*. The musical analysis of intonations, architectonics of ritual songs, their typology confirm the author's idea of the early folklore layer of the traditional musical culture of the Western Buryats.

Keywords: ritual songs, typology, intonation formulas, architectonics, Western Buryats

В современной бурятской фольклористике и этномузыкологии изучение обрядовых песен приобретает особую актуальность для

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России»), № АААА-А17-117021310267-5).

сохранности, бережной трансляции обрядовой песенной традиции и репрезентации уникального раннефольклорного пласта традиционной музыкальной культуры бурят. Анализ музыкального языка обрядовых песен западных бурят (архитектоники, интонационной, звуковысотной-ладовой, ритмической организации), способствующий выявлению имманентного смысла музыкального текста в целом, подробно осуществлен автором статьи в монографии «Обрядовая песенная традиция западных бурят» [Дашиева, 2017].

Традиционная музыка бурят в диахронном срезе представляет собой гибкое взаимодействие двух культурных пластов – раннефольклорного, отражающего жанрово-интонационную систему, связанную с обрядовой культурой бурят, и позднего культурного слоя, где очевидны влияния, с одной стороны, христианского мира на культуру западных предбайкальских бурят, а с другой – буддийских традиций – культуру забайкальских восточных *хори-бурят* и южных *селенгинцев*.

Сформированный в течение тысячелетий мир степной культуры кочевников оказал огромное влияние на все сферы жизнедеятельности бурят: хозяйственную, духовную культуру, в том числе и обрядовую. Безусловно, многие обряды и обрядовые элементы уже безвозвратно утрачены. Однако, несмотря на закономерные исторические, экономические и культурные изменения, все же сохранилась целостность и синкретичность обрядового комплекса западных бурят. Результаты проведенного исследования западнобурятской песенной традиции в контексте современных обрядовых реалий служат подтверждением этому. Так, музыкальный компонент в обрядовой культуре западных бурят является наиболее устойчивым и жизнеспособным элементом по сравнению с другими составляющими обрядовой системы. Это, очевидно, доказывает, что традиционное музыкальное искусство – одно из самых консервативных видов деятельности человека [Дашиева, 2017: 312].

На традиционную культуру западных бурят, в том числе обрядовую, большое влияние оказали христианство и русская музыкальная традиция.

После прихода русских на земли Предбайкалья с середины XVII в., времени присоединения бурят к Российскому государству, про-

изошли коренные изменения во всех сферах жизнедеятельности западных бурят, прежде всего, в вероисповедании и хозяйственном укладе. Наряду с основными видами деятельности – скотоводством и охотой – предбайкальские буряты занимались земледелием, выращивая зерновые культуры (сеяли пшеницу, овес, ячмень, просо и т.п.), затем и овощеводством.

С момента основания Даурской миссии в 1681 г. и учреждения Иркутской епархии в 1731 г. при содействии русских миссионеров западные буряты приняли христианство (добровольным или насильственным путем¹), придерживаясь двоеверия (шаманизма и православия), а нередко и троеверия (шаманизма, буддизма и православия) [Михайлов, 1979]. Так, тесно контактировавшие с русскими казаками верхоленские (качугские) *эхириты*, первыми из западных бурят обратились к христианству и в настоящее время в подавляющем своем большинстве соблюдают православные традиции, в том числе похоронно-поминальные. Однако в то же самое время *эхириты* и *булагаты* принимают активное участие в проведении родовых и родо-племенных шаманских *тайлганов*, отдавая дань уважения исконной религии предков. Что касается *хонгодоров*, то в конфессиональном плане они представляют шаманистов и буддистов. Кроме того, напластования произошли в культурной сфере, в том числе и музыкальной [Дашиева, 2017: 313].

Результаты комплексного исследования жанровой специфики, особенностей функционирования и глубинных структур музыкального языка обрядовых песен позволяют выявить сходства и различия в локальных традициях западных бурят *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров*. Безусловно, их объединяет целостный обрядовый комплекс, в котором присутствуют коллективные ритуалы, сопровож-

¹ Привлечение западных бурят к христианству часто осуществлялось методом «кнута и пряника». Тех, кто добровольно принял православную веру (прошел обряды крещения, венчания и т.п.), освобождали от уплаты *ясака* (дани в царскую казну), им выделяли надел земли и дарили ценные вещи (хромовые сапоги, шевиотовый костюм, холщовые и сатиновые рубашки и т.п.). Однако дети православных бурят без разрешения священника не могли жениться или выйти замуж за неправославных бурят [Борбоев, 2014: 15].

дающиеся пением обрядовых песен, и семейно-индивидуальные ритуалы жизненного цикла. Так, песенную традицию *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров* связывает общая жанрово-интонационная система раннефольклорного обрядового пласта традиционной музыки предбайкальских бурят. Сходство жанров, семантики вербальных текстов, мелодическая и ритмическая формульность, общие ладовые архетипы и особенности композиционного строения обрядовых песен характеризуют музыкально-стилевую парадигму в локальных традициях *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров*.

В жанровой системе обрядовых песен западных бурят выделяются две песенные традиции – застольная *архиин* и песенно-танцевальная *ёхорная*, образующие магистральную линию песенного фольклора предбайкальских бурят. Истоки формирования этой жанрово-стилевой доминанты имеют ранние обрядовые корни происхождения. На наш взгляд, они восходят к архаическому времени языческих и шаманских культов на всей территории Центральной Азии. Об этом косвенно свидетельствуют семантика и музыкальная лексика обрядовых песен западных бурят. Безусловно, одним из перспективных направлений бурятской этномузыкологии, на наш взгляд, является изучение взаимосвязей обрядовых песен с музыкой шаманского культа и другими ранними жанровыми пластами западнобурятской традиционной музыки, что, очевидно, станет следующим этапом работы.

Музыкальные диалекты всех трех локальных групп имеют отличия. Так, в обрядовых песнях *булагатов* и *хонгодоров* реализуется раннефольклорный слой песенной и архаичной допесенной традиций, например, в недавно обнаруженных нами обрядовых песнях родинной традиции *булагатов* – *хотондоо хаагдахада дуунууд* («песни запертых в стайке») [Дашиева, 2017: 314]. Мелодическая формульность двухзвучных напевов в застольных песнях *булагатов*, старинных *ёхорных* песнях *хонгодоров* (*ундээн нааданай дуунууд*), узкообъемная ангемитоника, представленная ладовыми архетипами, жесткая ритмоформульность – черты раннефольклорного музыкального мышления западных бурят. Очевидно, поздний культурный слой больше проявился в обрядовой песенной традиции *эхиритов*, как было отмечено выше, более русифицированных из

всех этнолокальных групп западных бурят. Так, вероятно, под влиянием русской песенной традиции была задействована одна из типичных интонационных формул в застольных песнях *эхиритов архиин дуунуд*. Кроме того, в вербальных текстах их застольных песен часто используются слова русского языка «ещё», «весёло», «дорогой», «хорошо» и др. Последнее слово также присутствует в лексике застольной песенной традиции *булагатов* [там же].

Одной из важных задач исследования является выявление интонационных формул обрядовой песенной традиции западных бурят в корневой системе раннефольклорного интонирования. Вероятно, некоторые из них имеют значение родовой интонации или родовой интонационной структуры, например, интонация полуторатоновой секунды (далее – п/т. 2), ставшая базисом ладозвукорядной системы не только западнобурятской песенной традиции, но и всей традиционной музыки бурят.

Представим образцы двухзвучного припева застольных песен *булагатов*. В двухстрочном припеве *дабталга* реализуется интонационная формула (далее – ИФ) с п/т. 2 девятисложной структуры анапеста в первой мелостроке и семисложной – во второй (см. НП № 1). В припеве *арсиин дуун* вербальный текст отличается устойчивостью за исключением замены инициального *Ай-доо* на *Элеэ* в другом образце (НП № 2). Припевное слово *Ай-доо* и есть имя верховного божества громовержца Аяа [Дугаров, 1991: 238, 244].

Пример 1

Дабталга:

Ай - доо най и - ги - лёөн хо - ро - шо

А - ял - гайн - саар но - леэ яас.

Пример 2

Образцы *аршин дуунууд булагатов* относятся к наиболее раннему пласту застольной песенной традиции западных бурят. По-видимому, они семантически связаны с древними обрядовыми песнями *ай дон дуунууд* и репрезентируют раннефольклорный обрядовый слой песенной традиции *булагатов*. В настоящее время обрядовый контекст застольных песен давно уже утрачен. Однако двухзвучная ИФ с закрепленным припевным текстом *Ай-доо(най)* свидетельствует о раннефольклорных обрядовых корнях застольных песен *аршин дуунууд булагатов*. В застольных же песнях других западнобурятских этнолокальных групп – *эхиритов* и *хонгодоров* отсутствуют двухзвучные ИФ, базирующихся на п/т. 2 – их нет ни в наших полевых материалах, ни в сборнике Д. С. Дугарова «Песни западных бурят» [Дугаров, 1980], ни в аудиокolleкции фонофонда ИМБТ СО РАН. Однако они присутствуют в шести образцах *ёхорных* напевов, сопровождающих бурятский круговой танец *ёхор* (*ёохор*). Причем ИФ застольной *аршин дуун булагатов* идентична вариантам *эхиритского* напева одной из локальной разновидности *ёхора айдуусай*. Их объединяют интонация п/т. 2, формульность напева, но ритмосинтаксис *айдуусай* иной.

В изучении обрядовой песенной традиции одним из важных вопросов является проблема изучения архитектоники бурятских народных песен. Их композиционное строение (западно-, южно- и восточнобурятских) имеет свои закономерные принципы. Оно основано на чередовании нескольких (часто – двух-трех) музыкально-поэтических строф (куплетов), отделенных друг от друга паузами. Часто строфы нормативной структуры (AA¹AA¹ или ABA¹B¹) состоят из двух двустихий (четырёх мелострок; реже встречаются шести-, восьми- и девятистрочные строфы), одинаковых или почти одинаковых по ритмоинтонационному строению и объединенных текстовым и образным параллелизмом [Дашиева, 2017: 66].

Для бурятского народного стиха характерно явление параллельных строк, сингармонизм, аллитерации. Каждая неначальная строфа обычно представляет варьированный повтор текста и мелодии первой строфы. В песенной строфе нечетные мелостроки (первая, третья), так же как четные (вторая, четвертая) строятся по принципу сходства интонаций, ритмического, синтаксического, образно-тематического строения. Напомним, что такие строки исследователи называют строками параллельными.

Архитектоника западнобурятских обрядовых песен в своем подавляющем большинстве базируется на строфах описанной выше нормативной четырехстрочной структуры как с припевами, так и без них. Причем к четырехстрочной структуре обрядовых песен часто прикрепляются двухстрочные припевы, реже трехстрочные и четырехстрочные, крайне редко однострочные. В то же время обнаружено небольшое количество образцов иной архитектурной организации. К ним относятся шести-семистрочные структуры обрядовых песен и других жанров западнобурятской песенной традиции.

В результате анализа архитектоники обрядовых песен в локальных группах западных бурят (*эхириты*, *булагаты*, *хонгодоры*) выявлены четыре типа строения мелострофы (двух-, четырех-, шести- и семистрочные). Наиболее распространена четырехстрочная структура как с припевом, так и без него, которая типична для всех трех локальных традиций. Причем, если для *эхиритов* и *булагатов* характерна четырехстрочная мелострофа с двухстрочным припевом ($AA^1AA^1+AA^2$, $ABA^1B^1 + B^1B^2$ с вариантами), то в обрядовой песенной традиции *хонгодоров* эта же четырехстрочная мелострофа реализуется без припева. Особенностью формообразования в *эхиритской* песенной традиции является часто употребляющаяся двухстрочная мелострофа с двухстрочным припевом ($AA+A^1A^1$; $AA+A^1A^2$; $AA+A^2A^2$), который как бы восстанавливает типичную четырехстрочную мелострофу. Однако в обрядовой песенной традиции *булагатов* и *хонгодоров* полностью отсутствует двухстрочная мелострофа. Зато имеют место быть шести- и семистрочные мелострофы $ABA^1B^1A^2B^2$, $ABA^1BCA^2B^1$ у *булагатов* (оказионально встречается шестистрочный напев у *хонгодоров*).

Очевидно, что формообразование западнобурятских песен отличается от архитектоники песенной традиции восточных *хори-бурят* и южных *селенгинцев*. Так, для лирических песен восточных и южных бурят совсем не характерны композиции, включающие припевы. Однако совсем другая картина складывается при анализе архитектоники их *ёхорных* песен. В них часто к четырехстрочной строфе присоединяются двухстрочные припевы; четырехстрочные припевы выявлены только в *хоринской* традиции. Крайне редко встречаются однострочные припевы, прикрепленные к четырехстрочной строфе. Они состоят из одного слова, часто непереводимого, например, с послелогом – *ес* в *энхэлэс* (селенгинский *ёхор* и хори-бурятский *ёхор*), *ээхэр* у шэнэхэнских бурят (*хори-бурят*) [Дашиева, 2017: 67-68].

Таким образом, наличие припевов в *ёхоре* восточных *хори-бурят* и южных *селенгинцев* является характерной композиционной особенностью восточнобурятских *ёхорных* песен.

Для западнобурятских *ёхорных* песен типичной архитектурной чертой является наличие припевов различной строковой длины, объем которых зависит от специфики локальных традиций. Например, двухстрочные припевы характерны для разновидностей *ёхора эхиритов айдуусай, осоо, ягаруухай, колесуха, аярзоной*, и др., а четырехстрочные – *Гугэл, ажансай булагатов*.

Таким образом, выявленные различия интонационного содержания и композиционного строения западнобурятских обрядовых песен позволяют сделать некоторые предварительные обобщения относительно этно- и культурогенеза западных бурят. Безусловно, это особая тема исследования.

Литература

1. Борбоев Л. А. Легенды и воспоминания о кударинской земле. Улан-Удэ: Изд-во «Новапринт», 2014. 40 с.
2. Дашиева Л. Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят: Научное исследование. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 448 с.
3. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
4. Михайлов Т. М. Влияние христианства и ламаизма на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1979. С. 127–149.

References

1. Borboev L. A. Legendy i vospominaniia o kudarinskoi zemle. Ulan-Ude: Izd-vo «Novaprint», 2014. 40 s.
2. Dashieva L. D. Obriadovaia pesennaia traditsiia zapadnykh buriat: Nauchnoe issledovanie. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2017. 448 s.
3. Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obriadovogo fol'klora buriat). M.: Nauka, 1991. 300 s.
4. Mikhailov T. M. Vliianie khristianstva i lamaizma na shamanizm buriat // Khristianstvo i lamaizm u korenного naseleniia Sibiri (vtoraia polovina XIX - nachalo XX v.). L., 1979. S. 127–149.